

Приложеніе.

Письмо къ бывшимъ товарищамъ.

Amicus Plato, sed magis amicus veritas est.

Прежде всего, товарищи, привѣтствую васъ всѣхъ и крѣпко жму вамъ руки! Пусть этотъ привѣтъ и рукопожатіе служатъ лучшимъ доказательствомъ той симпатіи, которую я всегда чувствовалъ къ вамъ и которую я сохранилъ даже теперь, несмотря на наше рѣзкое расхождение. Скоро будетъ полгода съ тѣхъ поръ, какъ мы разошлись. Фактъ этотъ,—крайне для меня прискорбный,—теперь ужъ не подлежитъ никакому сомнѣнію,—такъ сказать, публично констатированъ съ перваго же дня появленія въ свѣтъ вашего органа «Народная Воля». Вы сказали первое слово, теперь очередь за нами. Не думайте, однако, что я намѣренъ въ этомъ письмѣ пускаться въ подробное изложеніе нашей программы. Здѣсь это неумѣстно. Моя цѣль—разъяснить тѣ разногласія, которыя послужили поводомъ къ нашему раздѣленію.

Какъ видите, мы снова поднимаемъ тотъ жгучій вопросъ, съ которымъ у насъ,—я говорю лично о себѣ,—связано столько тяжелыхъ воспоминаній. Вы, вѣроятно, помните, какъ я отнесся къ нашему раздѣленію. Оно произошло, когда я былъ въ провинціи. Вернувшись сюда, я засталъ умы до того возбужденными, что не предвидѣлъ никакой возможности предотвратить разрывъ соглашеніемъ. Я протестовалъ тогда энергично, какъ умѣлъ и понималъ. Я говорилъ, что крайне неразумно, нерасчетливо расходиться намъ въ то время, когда наша партія еще недостаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли организовать въ народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ,—требуетъ отъ насъ большей концентраціи силъ и энергіи. Заодно со мною стояли очень многіе изъ нашихъ товарищей, которые частью вошли къ вамъ, частью остались у насъ. И они, подобно мнѣ, настойчиво отстаивали необходимость совмѣстнаго дѣйствія и рѣзко протестовали противъ раздѣленія, какъ причины, ослабляющей наши силы. Но эти резоны, къ сожалѣнію, не привели ни къ чему. Одна часть ударилась исключительно въ борьбу съ правительствомъ, считая ее злобой дня, другая, напротивъ, въ силу естественной въ такомъ случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость въ данный моментъ непосредственной борьбы съ правительствомъ и убѣждала сосредоточить свои силы въ народѣ.

Такимъ образомъ, разногласія о приѣмахъ борьбы перешли въ разногласія принципиальныя: вы предлагали политическую борьбу на первомъ планѣ, мы—экономическую.

Въ настоящее время вы выступили публично въ вашемъ органѣ съ пропагандою новыхъ принциповъ и новыхъ способовъ борьбы. Вы зовете на этотъ «новый» путь молодежь, общество и всѣхъ, кто только способенъ къ активной борьбѣ. Вы доказываете необходимость въ данный моментъ политической борьбы съ цѣлью политическаго переворота. Не отрицая абсолютно возможности дѣйствія въ народѣ, вы находите, однако, что «при настоящихъ условіяхъ она слишкомъ затруднена». А поэтому вы говорите: «для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произволъ, уничтожить это нахальное вмѣшательство въ народную жизнь и создать такой государственный строй, при которомъ дѣятельность въ народѣ не была бы наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаидъ». Независимо отъ этого соображенія, необходимость систематической борьбы съ правительствомъ съ цѣлью «политическаго переворота» и «передачи государственной власти въ руки народа» вытекаетъ, по вашему мнѣнію, изъ специфическихъ особенностей современнаго русскаго государства и изъ отношеній его къ другимъ «соціальнымъ группамъ». Пока у насъ не образовались классы, извѣстнымъ образомъ обособленные, съ опредѣленными политическими и экономическими тенденціями, борьба съ правительствомъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Опасность наступитъ тогда, когда буржуазія наша, начинающая лишь зарождаться, окрѣпнетъ настолько, что захватитъ политическую власть въ свои руки. Борьба же съ буржуазнымъ государствомъ, конечно, по вашему мнѣнію, не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ съ современнымъ. Проповѣдуя политическій переворотъ, вы, тѣмъ не менѣе, считаете нужнымъ заявить, что вы отнюдь не отказываетесь отъ переворота экономическаго, соціальнаго. Послѣдній у васъ тѣсно срастается съ государственнымъ, который, будучи совершенъ, дастъ народу возможность устроиться согласно его идеаламъ, склонностямъ и стремленіямъ.

Мысли, высказанныя въ «Народной Волѣ», настолько важны и серьезны по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, по тому вліянію, которое они могутъ оказать на еще неустановившееся убѣжденіе, что я считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на нихъ.

Мнѣ кажется весьма странной, чтобы не сказать больше, ваша увѣренность въ необходимости въ данный моментъ политическаго переворота въ Россіи. Увѣренность ваша въ этомъ отношеніи даже доходитъ до того, что вы не церемонитесь назвать «предразсудкомъ», «боязнью собственной мысли» всякое мнѣніе, несогласное съ вашимъ.

Общественныя явленія слишкомъ сложны и обусловливаются взаимодѣйствіемъ слишкомъ многихъ факторовъ, чтобы позволено было людямъ интеллигентнымъ относиться къ нимъ такъ просто, примитивно. Каждый общественный дѣятель, тѣмъ болѣе революціонеръ-соціалистъ, къ которымъ, конечно, вы причисляете и себя, долженъ прежде всего уметь толково ориентироваться въ

этой массѣ разнообразныхъ факторовъ. Онъ долженъ понимать и знать, что изъ этой массы надо выдѣлить такіе факторы, которые главнымъ и существеннымъ образомъ обусловливаютъ это, а не другое состояніе общества, эту, а не другую фізіономію его. Критика современнаго общества убѣдила людей науки, что въ основѣ его лежатъ главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальные отношенія,—государственныя, юридическія, нравственныя и проч.

А потому, понятно, что каждая живая партія должна избрать точкою приложенія своихъ силъ базисъ даннаго общества—его экономическія отношенія.

Историческій опытъ учить насъ, что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, социальной революціи, что политическіе перевороты нигдѣ и никогда не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы,—верховное право народа, всеобщее избирательное право,—во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическія революціи, въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе. Какъ продуктъ критики своего времени, какъ результатъ коллективной умственной работы философіи XVIII вѣка, эти идеалы, естественно, должны были служить лозунгомъ для передовыхъ лучшихъ людей Западной Европы. Политическіе революціонеры новѣйшаго времени, начиная съ 1789 до 1848 года, не только во Франціи, но и въ остальной континентальной Европѣ, горячо вѣрили въ обновляющую силу этихъ политическихъ идеаловъ и думали, что достаточно политическаго переворота, чтобы разрушить старое общество и воздвигнуть на его развалинахъ новое, болѣе справедливое и согласное съ требованіями этихъ идеаловъ. Какъ дѣти своего времени, какъ сторонники философовъ XVIII вѣка, они думали и мыслили, какъ эти послѣдніе, апріористично и метафизически. Выдвинуть на первый планъ апріористичные, идеальные, принципы,—право человѣка, верховное право народа,—эти люди игнорировали реальныя, экономическія, отношенія, внѣ которыхъ всякая политическая дѣятельность становится сизифовою работою.

Вся система политическихъ заговоровъ, захватовъ власти, пущенная въ ходъ якобинцами 1789 года и, съ легкой ихъ руки, подхваченная якобинцами Италіи, Испаніи въ первой четверти настоящаго вѣка, можетъ служить примѣромъ того, какъ шатки, непрочны политическіе перевороты, совершающіеся сверху «во имя народа», но безъ его инициативы. Да и понятно. Развѣ можетъ быть прочна та система, которая основывается на принципѣ: «все для народа, но ничто при посредствѣ самого народа?» Люди, исповѣдующіе этотъ принципъ, само собою, отрицаютъ всякую инициативу въ народѣ, считаютъ массу совершенно индифферентною, безразличною средою, надъ которою позволительно продѣлывать всевозможные фокусы-покусы. Какъ бы ни были такіе люди преданы народу, какъ искренни ни были бы ихъ симпатіи и стремленія, способъ ихъ реализаціи долженъ непремѣнно и роковымъ образомъ приводить къ діаметрально-противоположнымъ результатамъ.

Вспомните, напр., хоть знаменитыхъ эксцентриковъ-революціонеровъ, якобинцевъ 1789 года—Робеспьера, Дантона и Марата! Они сложили свою голову на плахѣ. Вы думаете: за народъ? О, нѣтъ! За «единую, нераздѣльную республику», т. е. за старый принципъ государственности. Какова была ихъ тактика, система? Терроръ, насилие и принужденіе. Во имя чего они это дѣлали? Во имя правъ человѣка, правъ народа, а особенно во имя общественной безопасности. Сторонники по преимуществу правительственной инициативы, ставя выше всего государство, якобинцы предоставляють себѣ, во имя громкихъ и высокихъ принциповъ, думать и дѣлать все, что имъ угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожаютъ монополии, привиллеіи, цехи и другія корпораціи, и въ то же время, во имя той же свободы, издають декреты, лишаящіе рабочихъ правъ ассоціацій, сходокъ и стачекъ, т. е. естественнаго права самозащиты. «Якобинство,—говоритъ Прудонъ,—было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 года по 1815 годъ грозило уничтоженіемъ ея во всей Европѣ».

«Наполеонъ I, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ у него всегда великимъ гениемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого они и прозвали его Робеспьеромъ на конѣ. Его 18 брюмера можно считать какъ бы отомщеніемъ за 9 термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію и всѣхъ ихъ возвелъ въ дворянство. Зато и секта выказала ему свою преданность; она изобрѣла формулу посвященія: «императоръ значитъ—революція, императоръ значитъ—демократія».

Таковъ якобинизмъ, какимъ рисуетъ его Прудонъ, этотъ честный и талантливый защитникъ народныхъ правъ и интересовъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что политическая свобода якобинцевъ привела во Франціи къ политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма.

Но было несправедливо думать, что якобинцы стремились къ этому сознательно. Для лучшихъ представителей ихъ политическая свобода была не пустое слово, не пустой звукъ, брошенный на вѣтеръ, а искреннее глубокое убѣжденіе, выработанное у нихъ подъ вліяніемъ древнихъ классиковъ и современной имъ философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которою они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили головы свои за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тотъ кумиръ, которому поклонялись!

Виновата та система, тѣ способы и приемы борьбы, которыми они хотѣли реализовать свой идеаль, свою «единую, нераздѣльную республику». Въ послѣднихъ трехъ словахъ скрываются причины и послѣдствія ихъ пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика»? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «Имперія—это революція, демократія». Въ основѣ ихъ одинъ принципъ—государственность и централиза-

ція: авторитетъ и инициатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы—съ другой.

Разъ революціонная партія выставила на своемъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть. Лучшей иллюстраціей могутъ послужить отношенія французскихъ крестьянъ къ первой республикѣ. Еще въ своихъ наказахъ національному собранію народъ прямо заявляетъ, что если не будетъ приступлено немедленно къ отмѣнѣ феодальнаго права, то онъ откажется присягнуть конституціи, а, слѣдовательно, и защищать отечество отъ грозившей ему внѣшней опасности. Эта угроза крестьянъ такъ сильно подѣйствовала на законодателей, что они немедленно декретировали уничтоженіе феодальныхъ правъ. Что эта угроза могла бы легко осуществиться, можно убѣдиться на примѣрѣ вандейцевъ. Эти послѣдніе возстали на защиту стараго режима главнымъ образомъ потому, что съ нимъ невольно ассоціировалось у нихъ представление объ извѣстной степени экономической обезпеченности.

Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вандеи вплоть до самой революціи сохранилось личное крѣпостное право, а съ нимъ и крѣпость лица къ землѣ. Благодаря этому, экономическое положеніе этихъ, крѣпкихъ къ землѣ, крестьянъ было сравнительно лучше, чѣмъ положеніе лично свободныхъ, но обезземеленныхъ. Если къ этому прибавить ту ненависть, которую питали къ возростающему въ то время волонтеріату всѣ французскіе крестьяне, а особенно вандейцы, то станетъ совершенно понятнымъ, почему эти послѣдніе такъ отчаянно защищали старый порядокъ.

Роялисты прекрасно знали въ этомъ отношеніи вандейцевъ и умѣли эксплуатировать ихъ въ свою пользу.

Если мы обратимся теперь къ политическимъ движеніямъ Испаніи и Италіи, въ первой четверти настоящаго вѣка, то найдемъ массу аналогичныхъ явленій, подтверждающихъ вышесказанную мысль.

Въ Испаніи эти явленія выражены особенно рѣзко. Въ то время, какъ высшіе интеллигентные классы, проникнутые философскими идеями XVIII вѣка, увлекались политическими идеями французскихъ якобинцевъ, народъ служилъ слѣпымъ орудіемъ реакціи въ рукахъ поповъ, монаховъ и иезуитовъ. Политическая исторія Испаніи новѣйшаго времени до послѣднихъ дней состоитъ изъ безпрерывныхъ, упорныхъ, сопровождаемыхъ съ обѣихъ сторонъ ужасными жестокостями междоусобицъ двухъ партій: либерально-конституціонной, опирающейся на войска и городское населеніе, реакціонно-монархической, опирающейся главнымъ образомъ на духовенство, крестьянъ, разбойниковъ, и разнаго рода подвижной, бродячій элементъ. Не проходило года безъ мятежа или государственнаго переворота.

То побѣждаютъ одни, то другіе. То заводятся конституціонныя учрежденія, широкая политическая свобода, кипитъ либеральная дѣятельность, то все это уничтожается однимъ ударомъ: во-

дворяется «законный порядок», упраздняются и уничтожаются нововведенія, начинаются гоненія, преслѣдованія, неслыханная жестокости и казни. Революціонная мысль, лишенная возможности высказаться открыто, работает тайно, подпольно. Вся Испанія покрывается сѣтью тайныхъ обществъ, заговоровъ. Ожидается подходящий моментъ, чтобы поднять знамя возстанія. Такъ было, напр., въ 1820 году, когда войска, собранныя въ Кадиксъ для отправки въ Америку, совершили военную революцію и восстановили конституцію 1812 года. Король испанскій, «возлюбленный» Фердинандъ, торжественно клялся въ вѣрности конституціи. Но реакція не дремала. Она пошла работать тѣмъ же путемъ, что и революціонеры. Начинается сильная агитація въ средѣ преданныхъ реакціи крестьянъ, вербуются волонтеры во имя «священной войны противъ еретиковъ-революціонеровъ», составляются банды, вспыхиваютъ повсемѣстныя возстанія. Фердинандъ благословляетъ «священную войну», призываетъ французское оружіе и при помощи его подавляеть революцію. Снова начинается реакція—реакція, неслыханная въ лѣтописяхъ исторіи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ казнено до 3.000 революціонеровъ!

Совершенно такую же картину, съ небольшими лишь отгѣнками, представляетъ намъ революціонное движеніе въ Италіи.

Слухъ о революціи въ Испаніи быстро облетѣлъ всю Европу и вызвалъ такія же движенія, во имя тѣхъ же идеаловъ и принциповъ, въ Италіи. Въ Сициліи, Неаполѣ и Сардиніи почти одновременно вспыхиваютъ возстанія. Миланъ былъ взятъ инсургентами-карбонарами, которыхъ въ то время насчитывали въ Италіи до 300.000 человекъ. Создана была юнта и введена конституція, буквально списанная съ испанской. Король Фердинандъ съ слезами на глазахъ присягнулъ конституціи. Но потомъ пошла «старая, но всегда новая исторія». Реакція, встревоженная этими повсемѣстными возстаніями, затрепетала, и «союзныя арміи» Меттерниха поспѣшили потушить революціонный пожаръ.

Такова была судьба политическихъ переворотовъ въ первой четверти текущаго столѣтія въ большой части Европы. Мы видѣли во имя какихъ идеаловъ они совершались, какія общественныя группы въ нихъ участвовали, какія средства и орудія борьбы ими практиковались и, наконецъ, каково было отношеніе къ нимъ массы крестьянскаго народа. Но традиціи конституціонной свободы не умерли. Грянула февральская революція. Революционная волна изъ Франціи быстро распространилась по всей Европѣ. «Божіею милостью» монархи то бѣжали въ страхъ, то должны были уступить требованіямъ времени и, волею-неволею, дать конституціи.

Такимъ образомъ, конституціонныя идеи, послѣ долгой и упорной борьбы, восторжествовали во всей Европѣ въ 1848 году.

Но торжество конституціонныхъ идей стало торжествомъ буржуазіи.

Съ этого момента она выступаетъ борцомъ и проводникомъ ихъ въ политической жизни западныхъ народовъ. Для нея эти идеи нужны, какъ средство борьбы противъ враждебныхъ ей эле-

ментовъ: королевской власти, гдѣ таковая есть, съ одной стороны, и массы рабочаго сословія повсюду—съ другой.

Чѣмъ сдѣлалась буржуазія для народа слишкомъ хорошо извѣстно.

Февральская революція—это первый массовый протестъ французскаго рабочаго противъ буржуазной формы эксплуатаціи его труда. Съ этого момента на историческую арену выступаетъ рабочее сословіе, выразителемъ мнѣній и стремленій котораго въ научной формѣ является социализмъ. Лучшіе передовые люди на Западѣ отказались въ настоящее время отъ идеаловъ политической свободы, какъ отжившихъ свое время, и избрали своимъ лозунгомъ социализмъ, во имя котораго они организуютъ, сплываютъ и подготавливаютъ массы.

Задача ихъ—реорганизация экономическихъ и общественныхъ отношеній при посредствѣ народа и самимъ народомъ.

Если для васъ неубѣдительны вышеприведенные мною факты изъ европейской исторіи, то я попрошу васъ вспомнить кое-что изъ исторіи польскихъ движеній, особенно послѣдняго времени. Главная тенденція этихъ движеній—политическая независимость Польши, казалось, должна была бы обѣщать полный успѣхъ инициаторамъ.

Политически-національная независимость во всякомъ случаѣ—принципъ слишкомъ понятный для народа, чтобы не откликаться на него, чтобы не возстать во имя его. Образование въ новѣйшее время независимаго итальянскаго королевства, автономія Венгріи, независимость Румыніи, Черногоріи, Сербіи и проч.,—все это факты, говорящіе въ нашу пользу.

Отчего же польскія возстанія окончились такъ плачевно? Главная, по нашему мнѣнію, причина заключается въ томъ, что польскіе заговоры, агитація по преимуществу ограничивались привилегированнымъ и городскимъ сословіемъ, масса же литовскаго и польскаго крестьянства не была приобщена къ этимъ движеніямъ.

Партія «бѣлыхъ», состоявшая главнымъ образомъ изъ знатныхъ и богатыхъ дворянъ, вообще всегда была очень умѣренна и только впоследствии, когда движеніе разрослось, она пристала къ нему. До крестьянъ этой партіи никогда дѣла не было: по своимъ традиціямъ дворянскимъ, она слишкомъ презирала это «быдло», чтобы о немъ думать, и слишкомъ высоко цѣнила свои сословно-дворянскіе интересы.

Партія «красныхъ», состоявшая изъ интеллигентной молодежи, сразу поставила вопросъ, какъ слѣдуетъ: она поняла, что масса только тогда станетъ за нихъ, когда ей обезпечать необходимыя экономическія льготы. А отсюда понятно, почему «красные» потребовали освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права и на дѣленія ихъ землею безъ всякаго выкупа. Къ сожалѣнію, «красные» сосредоточили свою дѣятельность въ городѣ, гдѣ ихъ сторонниками были ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе. Если бы «повстанцы» догадались организовать крестьянство, то успѣхъ возстанія былъ бы несомнѣненъ. Не только русское правительство,

но и союзъ трехъ сосѣднихъ государствъ врядъ ли могъ бы что-либо сдѣлать съ партизанскимъ народнымъ возстаніемъ.

Если опытъ западной Европы неизбѣжно приводитъ насъ къ отрицанію идеаловъ политической свободы, какъ средствъ, способныхъ осуществить народныя желанія, то собственная наша исторія приводитъ насъ къ тому же, но инымъ путемъ.

Споконъ вѣку наша исторія шла такимъ образомъ, что между государствомъ и народомъ не образовались и не могли образоваться промежуточныя, самостоятельныя общественныя группы. Наша исторія выработала лишь двѣ самостоятельныя враждебныя одно другой силы—государство и народъ.

Отсутствіемъ указанныхъ промежуточныхъ группъ объясняется бѣдность нашей общественной жизни. Общественное мнѣніе, какъ выраженіе преобладающаго въ данное время направленія, у насъ едва зарождается. До этого у насъ были отдѣльныя лица, группы лицъ—кружки того и другого направленія, съ тѣми или другими оттѣнками. Эти лица или кружки, не имѣя опредѣленныхъ словныхъ традицій, то приставали къ государству, служа ему непосредственно—во вредъ народу, то стояли особо, образуя центръ, вокругъ котораго группировалось все молодое, честное и интеллигентное. Задачи и цѣли ихъ кружковъ, широта ихъ умственного кругозора, кругъ ихъ дѣятельности, естественно, должны были измѣняться со времени и сообразно тѣмъ условіямъ, посреди которыхъ имъ приходилось существовать.

Но, несмотря на это видимое различіе кружковъ, въ нихъ нельзя не замѣтить общаго, такъ сказать, основнаго тона. Этотъ основной тонъ выражается въ томъ стремленіи къ умственному развитію, которое составляетъ характерную черту всѣхъ нашихъ кружковъ въ разныя времена. Таковы были, напр., кружки Новикова во времена Екатерины и кружки Станкевича и Бѣлинскаго въ новѣйшее время. Умственныя завоеванія, сдѣланныя западно-европейской наукой въ разнообразныхъ сферахъ знанія, а особенно въ социологіи, усилили умственное броженіе нашихъ кружковъ, пробудили въ нихъ критику мысли въ опредѣленномъ социальномъ направленіи. Разъ мысль начала работать въ этомъ направленіи, она неизбѣжно должна притти къ отрицанію современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, какъ тормазовъ нормальнаго развитія отдѣльныхъ личностей и массъ. Изъ кружковъ, такимъ образомъ, исключительно «самообразованія», «саморазвитія» съ теченіемъ времени вырабатываются группы съ опредѣленными политически-экономическими тенденціями. Являются кружки радикальныя. Изъ области толкованій, преній и самоясненій они переходятъ въ сферу практической дѣятельности—они становятся революціонными. Таковы были кружки декабристовъ и петрашевцевъ. Первые имѣли характеръ по преимуществу политической, вторые—экономической. Декабристы, проникнутые политическими идеалами французскихъ революціонеровъ, задумали, подобно имъ, государственный переворотъ съ цѣлью освобожденія Россіи отъ ненавистнаго имъ правительственнаго гнета! Это былъ первый и единственный въ нашей исторіи строго-задуманный планъ

военнаго заговора. Сомнительно, чтобы они, въ случаѣ даже полнаго успѣха, сумѣли удержаться на высотѣ своихъ задачъ и стремленій. Мы видѣли, къ чему привелъ якобинизмъ въ Европѣ. Дальнѣйшая исторія нашей радикальной мысли есть исторія развитія нашей революціонной партіи, задачи и стремленія которой болѣе или менѣе извѣстны.

Изъ этого бѣглаго очерка явствуетъ, что нашей прошедшей исторіей созданы такія условія, въ силу которыхъ дѣятельность лучшей части нашей интеллигенціи должна была по необходимости получить двоякое направленіе: либо служить правительству, либо стать особо, воспитывая и возбуждая вначалѣ лишь общественное самосознаніе, а впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ критики мысли,—и народное. Но становясь на сторону народа, она естественно должна была сдѣлаться носительницей его идеи, которая во всякомъ случаѣ не могла быть политической, или же потерпѣть фіаско, какъ это было, напр., на Западѣ. Вы, конечно, теперь легко можете убѣдиться, что мы сами заражены тѣмъ непріятнымъ для васъ «предразсудкомъ», который отрицаетъ политическую борьбу и политическіе перевороты.

Впрочемъ, считаю нужнымъ оговориться.

Мы возстаемъ противъ политической борьбы не безусловно, а ставимъ ее въ зависимость отъ предварительной революціонной работы въ народѣ. Въ отношеніи къ Россіи необходимость этого способа дѣйствія доказывается, по нашему мнѣнію, почти математически. Скажите, какимъ образомъ вы думаете осуществить политическій переворотъ въ Россіи? Думаете ли опереться на какія-либо сословія, или же на собственныя силы—силы партіи? Кромѣ заговоровъ—дворцоваго и военнаго—мы не видимъ другихъ путей для осуществленія политическаго переворота у насъ въ настоящее время.

Что касается дворцоваго заговора, то мы убѣждены, что вы не станете и рукъ своихъ марать въ этой грязной работѣ.

Какое значеніе и къ чему могутъ приводить военныя революціи, мы уже неоднократно говорили. Россія въ этомъ случаѣ не можетъ быть исключеніемъ. Романовы, надѣмся, не откажутся безъ борьбы, если такая понадобится, отъ своихъ «Божіею милостію» правъ. Для нихъ вдоволь хватитъ у насъ реакціонныхъ элементовъ во всѣхъ сферахъ, чтобы съ ихъ помощью устроить контръ-революцію и подавить заговоръ. Что за этимъ послѣдуетъ—извѣстно. На другія же сословія, кромѣ военнаго, врядъ ли сами вы разсчитываете. Это, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ вашихъ собственныхъ словъ, изъ той характеристики, которую вы даете современному государству нашему. Дворянство, молодая буржуазія наша, литераторы, ученые и проч. не имѣютъ у насъ пока никакой самостоятельной силы, а составляютъ лишь неотдѣлимую часть нашего государства, съ которымъ они связаны болѣе или менѣе искренно общими интересами. Они слишкомъ пассивны, неопытны, въ борьбѣ, безпринципны,—кромѣ принципа наживы,—чтобы рисковать своимъ привилегированнымъ положеніемъ, своимъ кошелькомъ ради борьбы съ правительствомъ, котораго они споконъ вѣ-

ку покорно слушались. Остается наша молодая интеллигенція и многія отдѣльныя личности разныхъ сословій и положеній. Они-то и составляютъ главный контингентъ нашей революціонной партіи, ими она восполняется и растетъ.

Спрашивается, что можетъ сдѣлать эта, сравнительно, немногочисленная группа, полная энергіи и рѣшимости, вѣрующая въ себя и въ свои принципы, въ смыслѣ захвата власти, политическаго переворота? Не знаю, товарищи, представляете ли вы себѣ это конкретно. Единственное орудіе ея борьбы—это систематическая терроризація правительства, въ родѣ той, которая такъ ловко практиковалась польскимъ «жондомъ» въ послѣднемъ возстаніи.

Но исторія послѣдняго доказала, что кинжалъ революционеров—недостаточно учтойчивая точка опоры для зданія не только политической свободы, но и національной независимости.

Положимъ, что вамъ повезетъ почему бы то ни было,—вѣдь вся система террора основана на случайностяхъ,—тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будетъ пойти на уступки, согласится созвать «обывателей», допустить Земскій Соборъ, словомъ, дать конституцію.

Не знаю, товарищи, задумались ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа (вѣдь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа») могутъ возникнуть изъ этого вновь созданнаго вами положенія вещей? Вы потому именно теперь такъ сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы съ правительствомъ и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете, въ 1), задержать у насъ процессъ образованія буржуазіи какъ экономическаго и политическаго класса, и, во 2), очистить путь для болѣе плодотворной дѣятельности въ народѣ. Но поймите, что, дѣйствуя теперь такимъ образомъ, вы фатально, помимо своей воли, добываетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенциальномъ состояніи. Но, слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и другихъ социальныхъ группъ—составляетъ единственную солидную силу.

Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея. Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзно-дорожныя и другія крупныя предпріятія,—это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается съ вѣдома правительства—для него самого и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазіи.

Кромѣ этой непосредственной помощи, правительство способствуетъ ея развитію и косвенно—цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, клонящихся къ «упраздненію» общины. Общинное вліяніе, очевидное зло, стоитъ на дорогѣ нашему буржуа, надо его, значитъ, убрать!

Каковы тенденціи нашей буржуазіи, привожу нѣсколько фактовъ изъ нашей недавней общественной жизни.

Въ 1870 году петербургское земство ходатайствовало о введеніи подворнаго владѣнія, а въ 1872 г. мнѣнія большинства лицъ-

выслушанныхъ комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, высказались въ томъ же смыслѣ. Наконецъ, разосланные въ 1878 г. въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ вопросы о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ, доказываютъ, что заключенія комиссіи приняты во вниманіе. Въ настоящее время, кажется, вошло уже въ силу правительственное постановленіе, которымъ облегчается выходъ общинника изъ общины.

Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу, о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались съ ея вѣдома, сообразно ея интересамъ.

Всегда осторожная, боящаяся всякихъ заговоровъ и смуть, буржуазія наша, тѣмъ не менѣе, прекрасно сумѣетъ воспользоваться тѣмъ переполохомъ, который вы намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружитъ немало энергіи, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія въ законную форму. Да и теперь уже большинство нашихъ ученыхъ и публицистовъ, за весьма немногими исключеніями, работаютъ въ пользу буржуазіи. Возьмите хоть бы, напр., труды разныхъ нашихъ комиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и другихъ обществъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что буржуазная тенденція, если не сказать наука, вполне сложилась у насъ и что она ждетъ лишь политической арены... Вотъ эти-то люди, — ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч., — имъ же имъ легіонъ, — съ остервенѣніемъ набросятся на тотъ «общественный пирогъ», который будетъ преподнесенъ имъ Александромъ II, или Александромъ III, или же временнымъ революціоннымъ правительствомъ — все равно, подъ видомъ конституціи. Въ то время, какъ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться этимъ «пирогомъ», вы будете стоять въ сторонѣ и... злобствовать.

Народъ же не станетъ за конституцію, какъ это было всегда и повсюду. Вы рассчитываете на избирательную агитацію, на депутатовъ, которые будутъ представлять крестьянство; напрасно — и вотъ почему: когда совершится переворотъ сверху, народъ будетъ захваченъ врасплохъ. Правительственная перемѣна, безъ всякаго сомнѣнія, вызоветъ въ немъ сильное броженіе. Начнутъ, какъ это обыкновенно бываетъ, самые разнообразныя толки, имѣющіе непосредственное, разумѣется, отношеніе къ его земельнымъ интересамъ, будутъ, можетъ быть, посылаться прошенія, ходоки. Могутъ быть даже мѣстные бунты и всякаго рода «нарушенія общественной тишины». Словомъ, движеніе будетъ сильное, но не настолько, чтобы оно послужило въ пользу народа. Что же изъ этого выйдетъ? Въ этомъ хаосѣ воспользуются прежде всего враждебные народу элементы, какъ это было и всегда. Вспомните, напр., исторію крестьянскихъ наказовъ передъ началомъ великой французской революціи. Какъ ихъ фальсифицировали, урѣзывали и передѣлывали въ среднихъ и высшихъ инстанціяхъ. Весьма также интересна въ этомъ отношеніи недавняя еще исторія плебисцита во Франціи. А какова избирательная система въ Великобританіи, мы

ссылаемся на рѣчь Гладстона, произнесенную имъ въ парламентѣ въ 1872 году по поводу ирландскаго земельного билля. Въ этой рѣчи ораторъ констатируетъ фактъ, что въ Англіи и Ирландіи помещикъ принуждаетъ фермера, подѣ страхомъ изгнанія его съ арендуемаго имъ участка земли, подавать голосъ во всѣхъ общественныхъ и парламентскихъ выборахъ по приказанію лорда-вотчинника. Подобная же система выборовъ будетъ несомнѣнно практиковаться и у насъ, какъ это уже происходитъ въ небольшомъ видѣ при выборахъ земскихъ и городскихъ гласныхъ. Какую роль играетъ народъ въ этихъ собраніяхъ—прототипа будущаго Земскаго Собора—слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Въ городѣ въ Земскій Соборъ попадетъ богатый, вліятельный купецъ, въ деревнѣ въ большинство случаевъ — богатый, «знатный», «хозяйственный мужичекъ», — надежда и радость нашихъ либеральныхъ публицистовъ и станowych приставовъ, которые съ рѣдкимъ единодушіемъ относятся ожиданіе чернаго передѣла къ числу «историческихъ предразсудковъ нашего народа». Въ число депутатовъ отъ крестьянъ попадетъ также мѣстный землевладѣлецъ — «баринъ». Всѣ эти люди попадутъ главнымъ образомъ вслѣдствіе экономической зависимости населенія: подкупъ, интрига и систематическое спаиваніе или прямое запугиваніе выступятъ тогда въ полномъ блескѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что попадутъ въ Земскій Соборъ и честные люди, представители крестьянскихъ интересовъ, но таковыхъ, по необходимости, будетъ такъ мало, что вліяніе ихъ останется ничтожнымъ. Вы указываете на Галицію, гдѣ въ 1848 году представителей отъ крестьянъ было много въ рейхсратѣ. Къ сожалѣнію, вы не приводите числоваго отношенія этихъ дѣйствительныхъ представителей крестьянскихъ интересовъ къ фиктивнымъ, а безъ этого трудно судить объ участіи галиційскихъ крестьянъ въ избирательной агитаціи, а, слѣдовательно, и о значеніи этой агитаціи. Сколько бы ихъ ни было, присутствіе ихъ во всякомъ случаѣ не помѣшало галичанамъ поддерживать реакціонную политику вѣнскаго правительства, политику, которую вы, товарищи, едва ли рѣшитесь назвать выражавшею интересы галиційскаго народа. Разъ мы признали, что избирательная агитація, при указанныхъ выше условіяхъ, будетъ вестись у насъ неправильно, мы, конечно, не можемъ придавать какое-либо серьезное значеніе Земскому Собору, какъ выразителю народной воли, а, слѣдовательно, и той конституціи, которая будетъ продиктована этими представителями. Такъ я смотрю на нашу конституцію, всякую, которая добывается тѣмъ способомъ, какой вы рекомендуете. Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще противъ конституцій, противъ политической свободы. Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, всѣхъ честныхъ и искреннихъ людей, чтобы быть противъ политической свободы. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ стремленіе къ политической свободѣ есть результатъ нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія — понятіе вполне опредѣленное, оформленное и ясно сознаваемое.

Для народа политическая свобода есть инстинктивное стремленіе къ свободѣ вообще, она у него всегда и неперемѣнно ассо-

цируется съ какимъ-нибудь конкретно-осязаемымъ представленіемъ-фактомъ (право равнаго пользованія и владѣнія землею, право cadaго человѣка пользоваться продуктами своего труда, право cadaго взрослого рабочаго участвовать въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ и проч.). Слѣдовательно, говорить, что идея политической свободы для народа—вещь непонятная, ненужная—не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ для интеллигентнаго. Разница въ томъ, что эта потребность у народа сростается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то послѣднія должна принять въ резонъ каждая соціально-революціонная партія, если она пожелаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована отъ узурпацій и искаженій враждебныхъ ей элементовъ. А это можетъ быть достигнуто лишь организаціей въ народѣ боевой партіи на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ ихъ понимаетъ народъ. Задачи такой партіи: готовить умы, средства и орудія борьбы—въ мирное время; регулировать, направлять движеніе—въ революціонное. Чѣмъ раньше такая революціонная партія сорганизуется, тѣмъ вліятельнѣе она будетъ въ моментъ революціи, тѣмъ больше она будетъ имѣть шансовъ утилизировать ее въ интересахъ народа. Для такой дѣятельности, понятно, требуются люди съ извѣстною выработкою характера, способные приспособляться къ народной средѣ, организовать, сплачивать народъ,—словомъ, требуется типъ народнаго организатора-революціонера. Если этотъ типъ и рѣдкость пока въ нашей средѣ, то отчаиваться этимъ особенно не слѣдуетъ: онъ вырабатается практикой, опытомъ, какъ это бываеетъ во всякой дѣятельности. Притомъ мы вовсе не думаемъ, чтобы вся тяжесть революціонной дѣятельности въ народѣ лежала бы исключительно на интеллигенціи. Наша роль въ народѣ—по преимуществу иниціаторская, все остальное должно дѣлаться самимъ народомъ, лучшими его представителями. Народъ же давнымъ-давно выработалъ этотъ типъ. Я говорю о тѣхъ протестующихъ элементахъ, которые во всякое время можно найти въ народѣ,—будь это сектантъ, вродѣ Никиты Семенова, или же ловкій смышленный агитаторъ, вродѣ Прядько *). Какъ энергично, ловко ведутъ свои дѣла эти народные организаторы можно видѣть, напр., изъ недавно помѣщенной, кажется, въ «Молвѣ» корреспонденціи изъ Вологодской губ. о сектантѣ-бѣгунѣ 20-ти лѣтъ, проповѣдывавшемъ свое теологически-анархическое ученіе въ своемъ родномъ селѣ въ виду начальства. О другомъ подобномъ типѣ я недавно собралъ самыя вѣрныя свѣдѣнія. Это—женщина-шелапутка, нѣсколько лѣтъ пропагандировавшая на далекихъ окраинахъ Россіи, а въ настоящее время она продолжаетъ ту же работу въ одной изъ центральныхъ губерній. Эти типы и созданныя ими организаціи могутъ служить лучшимъ отвѣтомъ тѣмъ изъ нашихъ

*) Ома Прядько—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ „дружинниковъ“ такъ называемаго „Чигиринскаго дѣла“,—организаторъ созданной Стефановичемъ съ товарищами. Прядько былъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ Сибирь. (См. „Чигиринское дѣло“ „Приложеніе III“ къ Туну, стр. 298). 4 декабря 1906 г. Авторъ.

скептиковъ, которые слишкомъ мало вѣрятъ въ народную самодѣятельность. Этотъ скептицизмъ обыкновенно происходитъ отъ недостаточнаго знанія народной жизни, либо отъ преднамѣреннаго игнорированія хорошихъ ея сторонъ. А между тѣмъ нѣтъ предразсудка болѣе вреднаго, болѣе опаснаго, чѣмъ этотъ. Обыкновенно думаютъ, что «сѣрая» народная масса совершенно однородна, и по двумъ-тремъ фактамъ позволяютъ себѣ дѣлать обобщенія. Люди, живущіе нѣсколько лѣтъ съ народомъ, знаютъ, какое громадное разнообразіе въ привычкахъ, взглядахъ, въ степени умственного развитія и способности къ активному протесту представляетъ этотъ народъ въ предѣлахъ даже одной волости. Такая разнородность массы составляетъ, по нашему мнѣнію, самое благопріятное условіе для революціонной дѣятельности.

Настоящій моментъ мы считаемъ наиболѣе благопріятнымъ и необходимымъ для этого. Правительственный гнетъ, правда, поставилъ намъ на пути новыя препятствія, но они не непреодолимы. Если трудно дѣйствовать въ извѣстномъ положеніи, то можно выбрать многія другія, менѣе уловимыя для правительственнаго надзора. Напрасно вы думаете съ авторомъ письма «Изъ деревни»*), что теперь созданы въ деревнѣ такія условія, при которыхъ революціонная дѣятельность крайне непродуктивна, такъ что приходится «биться объ народъ, какъ рыба объ ледъ». Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ письма вашего автора, это тотъ, что въ настоящее время нельзя заниматься культурною дѣятельностью, такъ какъ приходится каждую минуту открыто сталкиваться съ такими элементами, для которыхъ эта дѣятельность помѣха. Но я спрошу: развѣ революціонеру необходима такая дѣятельность, чтобы объ ней печаловаться? Пусть объ этомъ плачутся культуртрегеры! Революціонеръ же всегда и при всякомъ правительствѣ найдетъ поле для своей дѣятельности—это тайная, подпольная агитация.

Развѣ меттерниховская реакція помѣшала организаціи массы тайныхъ обществъ въ Испаніи и Италіи? Развѣ у насъ военное положеніе мѣшаетъ дѣятельности городского террора? Намъ кажется, товарищи, что вы слишкомъ ужъ мрачно смотрите на деревенскую дѣятельность, слишкомъ мало вѣрите въ способность народа къ революціонной организаціи. Вы не вѣрите въ народъ, вы не вѣрите въ революцію! Но что значить, спрошу васъ, не вѣрить въ революцію? Развѣ можно не вѣрить въ то, что есть явленіе естественное, историческое, необходимое? Даже такіе спокойные, объективные историки, какъ Шлоссеръ и Циммерманъ, и тѣ вѣрятъ въ неизбѣжность революціонныхъ движеній. Да иначе и быть не можетъ. Пока будутъ существовать такія ненормальныя общественныя отношенія, при которыхъ большинство будетъ эксплуатироваться меньшинствомъ, пока существуетъ антагонизмъ, разнь интересовъ, до тѣхъ поръ, говоримъ мы, разнаго рода противорѣчія могутъ быть разрешены не иначе, какъ революціоннымъ путемъ.

*) См. „Народная Воля“ № 1, 1 октября 1879 г. Авторъ этого письма—Кудряшовъ (псевдонимъ). 4 декабря 1906 года Авторъ.

Если внимательно наблюдать общественныя явленія, то между ними всегда можно открыть такіе симптомы, на основаніи которыхъ можно съ нѣкоторой вѣроятностію діагносцировать приближеніе революціи. Надо только имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши—чтобы слышать.

Такъ какъ революція обыкновенно готовится исподволь, то можно замѣтить нѣкоторую постепенность въ явленіяхъ. Сначала, пока патологическія явленія еще слабы, въ массѣ преобладаетъ настроеніе мирное, желаніе порѣшить многія недоразумѣнія соглашеніемъ, законнымъ путемъ. Это—періодъ пассивнаго протеста (посылка ходоковъ, прошеній и челобитныхъ всякаго рода).

Второй періодъ—періодъ активнаго протеста—начинается тогда, когда вѣра въ законный путь уграчена, когда одновременно съ этимъ патологическіе процессы обострились. Этотъ періодъ проявляется увеличеніемъ числа преступленій противъ собственности, разнаго рода аграрными преступленіями, —наконецъ, болѣе или менѣе крупными спорадическими бунтами. Этотъ же періодъ обыкновенно бываетъ богатъ разнаго рода толками и «превратными слухами», волнующими и возбуждающими народъ. Наконецъ, когда всѣ противорѣчія, экономическія, общественныя и государственныя, доходятъ до крайней степени своей интенсивности, тогда всѣ мелкія, изолированныя движенія быстро, почти мгновенно, подъ вліяніемъ случайной искры, объединяются и сливаются въ одно разрушительное революціонное движеніе. Это—третій періодъ—революціонный. Для революціонной партіи, въ подготовительномъ смыслѣ самый важный періодъ—это второй. Въ этотъ періодъ партія должна наперечъ всѣ свои усилія, всю свою энергію, чтобы во что бы то ни стало организовать революціонную партію въ народѣ. Въ противномъ случаѣ она рискуетъ быть застигнутой, какъ «тать въ ночи», т. е. не воспользоваться результатами революціи. Необходимость этой партіи во второй періодъ важна еще въ томъ смыслѣ, что партія можетъ значительно ускорить исходъ его, бросить ту искру, которая нужна для революціоннаго пожара. Она можетъ, если найдетъ нужнымъ, часть силъ отрядить въ городъ. Крупный террористическій поступокъ въ городѣ въ извѣстный моментъ можетъ быть очень кстати. Неожиданный, смѣлый ударъ сверху, цѣлый рядъ систематическихъ нападеній снизу разрушатъ старый экономическій и государственный строй, и на развалинахъ воздвигнуто будетъ новое, созданное самимъ народомъ общество.

Какова будетъ форма новаго общества, и какъ скоро и быстро совершится процессъ разрушенія стараго, мы объ этомъ пока говорить не будемъ. Но что мы въ настоящій моментъ переживаемъ второй, критическій періодъ, мы въ этомъ глубоко убѣждены.

Положеніе нашего крестьянства, по сознанію даже легальной литературы, поразительно напоминаетъ положеніе французскихъ крестьянъ въ концѣ XVIII вѣка, наканунѣ революціи. Всѣ остальные симптомы, которыми характеризуется второй періодъ, выражены теперь очень ясно.

Ближайшей задачей нашей, слѣдовательно, должна быть организація теперь той народно-боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили. Если мы этого не сдѣлаемъ, если мы къ этому не подготовимъ народъ, революціонное движеніе, какъ всякое стихійное движеніе, можетъ пройти грозою черезъ всю Россію, ни принося народу ничего существеннаго.

Революціонная партія, которая отказалась бы теперь отъ народа, стала бы партіей застоя и реакціи.

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производятъ на насъ те- перешнее положеніе революціонной мысли.

Подъ вліяніемъ исключительныхъ условій минуты, люди фактически отказываются отъ живыхъ, признанныхъ наукою принциповъ, ради будто «новыхъ», но въ сущности давнымъ-давно отжившихъ и отвергнутыхъ наукою. И люди вздумали расходиться въ самый критическій моментъ какъ партійной, такъ и народной жизни.

8 декабря 1879 года.

инв. с 117

ms. C 117

Книгоиздательство „Донская Рѣчь“.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“.

1) „Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ, извлеченныхъ изъ officialныхъ изданій, правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 гг. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціон. движен. въ Россіи въ 60-хъ гг.“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборнику „Государствен. преступлен. въ Россіи“. Подъ редакц. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакцію **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государствен. преступлен. въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакц. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанск. площ. процес. 50-ти и др.) Ц. 1 р.

7) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборнику „Государственные преступления въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 1 р.

8) „Государственные преступления въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.) Цѣна 1 руб.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборнику „Государственные преступления въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Цѣна 1 руб.

10) То же самое. Выпускъ второй. Цѣна 75 к.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 г. Цѣна 50 к.

13) **А. Д. Михайловъ**. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**. Цѣна 6 к.

14) Убіенство императора Павла (Разск. современ.). Цѣна 20 к.

15) Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Біографическ. очеркъ **Н. П. Сильванскаго**. Цѣна 70 к.

16) **А. И. Желябовъ** и **С. Л. Перовская** (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**. Цѣна 10 к.

17) **Виташевскій**. 1-ое вооруженное возстаніе и 1-ый военный судъ. Цѣна 8 к.

18) **Тырковъ**. Къ событію 1-го марта 1881 года. Цѣна 8 к.